

Лунной ночью

Тёмной ночью
С лунного круга
Свет прольётся
Серебристый.

В золотисто-
Жёлтом халате
Лунным блеском
Рябь искрится.

Звёзды, звёзды.
Слышится шёпот.
Ветра шорох,
Ветра свисты.

Дни и ночи
Тянутся долго.
Образ твой мне
Снова снится.

Два стихотворения

Время назначит,
Время обмерит.
Время даёт,
Но вновь заберёт.

Всё в своё время.
Всё в своей мере.
В срок свой родится,
В срок свой умрёт.

Всё в своё время—
Вновь расцветает.
Всё в своё время—
В срок увядает.

Небо звезда украшает.
Ум украшает наука.
Молодца стать украшает,
Деву украсит коса.
Зубы—украшение рта.
Конь красив, коль грива густа.

Ну и пусть

Сильно шуровала в печи избушки,
Хоомеем¹ запели горящие стружки.
Следят за мной боги огня неотступно,
Глаза их так жгучи—мясного ждуд супа.

Дымится варёное мясо в корыте...
Гостей накормила бульоном досыта.
Съев мясо и сало, сказали: «Вот кости!»—
Так дразнят меня ненасытные гости.

А я упрекать, придирааться не стала.
Как будто их нет. Спокойно стояла,
Улыбку держа, и лица не теряя...
Вот только одежда моя вся дырява.

Мои мечты-желания

Способна я—работать не устала,
Болезнь меня ремнём не привязала.
Ещё стремятся мысли в высоту—
По жизни я иду, как по хребту.

Могу качать я внуков в колыбели,
И пением развлечь, и звонкой трелью.
Ещё сгодятся ум, глаза и уши,
Пытливым взглядом распознаю души.

А пенсионный возраст—что же это?
Осознанность, что осень, а не лето.
О старости так много говорят...
Во мне мечты-желания бурлят!

Озорной ветерок

Покоя нет весной от ветерка:
Дурачится, как малое дитя.
Играючи, стремительно летя,
Дотронется до завитка цветка.

И, радуясь, увидев тот цветок,
Щекой прильнув, целует лепесток.
Закружится со свистами опять—
До вечера ему бы всё играть.

Бежит к реке, с волной покажет прыть,
Чтоб гладь разбить, слегка надует зябь.
И снова от земли пылит виток...
Всё может озорной тот ветерок!

.....

1. Хоомей—горловое пение.

● ● ●
Моих страданий чёрный день мою любовь
Забрал в ту пору дня, когда молилась вновь.
Наполненный мученьями я путь прошла,
Перечеркнув мой лоб, мне жизнь урок дала.
Ночная тьма уходит, завершая круг,
Накрыв вершины гор туманом серым тут.
Но красной лентою лучу ещё сиять,
Изменчивому небу снова цвет менять.
Моих страданий чёрный день — как выстрел-гром,
Хотя сдавило грудь и дышится с трудом,
Огонь любви моей прекрасной не угас,
Своих детей я к солнцу подняла сейчас.
Моё оружие-ружьё — в стихах строка,
Непреходящие цвета — моя тоска.

● ● ●
А было время, что водой нас не разлить,
Душой и сердцем я всегда с тобой была.
Когда путь к славе помогала проторить,
Всё, что хотела, от меня ты забрала.
«Так вот теперь не будешь больше первой». Да.
За горло взяв, худою ложью заплела.
Людей интригами запутав, наслаждаясь,
Вдавила внутрь, втоптала имя моё в грязь.
Теперь мне тень земли ковром, чтоб отдохнуть.
Обиду проглочу, сдавившую мне грудь.
Добившись славы, имя ты смогла добыть.
И всё же подавилась... Боже! Не забыть.
Простая грязь в воде отмоется ещё,
Но совесть чёрную возможно ли отмыть?..

Я не заплачу у порога

Я не заплачу у порога,
отвергну сети ворожбы.
Передо мной лежит дорога
пряmej, чем линия судьбы.

В чужом краю под сердцем спрячу
свою любовь в метельной мгле...
Пусть знают: никогда не плачут
тувинки на чужой земле.

Моя любовь горит, как пламень.
Но есть преграда на пути —
твоей любви холодный камень,
который мне не обойти.

● ● ●
Хотела грусть свою излить —
До неба голос не взлетит.
К земле с поклоном — не хотела.
Она — тверда. Я не посмела...
Кому ещё мне рассказать?

Без водки обойдусь

Чтоб изношенной не быть уж слишком,
Штопая, я подбираю нить.
Рядышком присесть, напиться лишку...
Человека нет, с кем водку пить.

Старый друг мой — у него несчастье:
После катастрофы — недвижим.
По душе хотелось выпить страстно...
Обойдусь, раз мне не выпить с ним.

Ветер со шляпой

Спокойно стоит скотовод Батый,
Беспечно данзу² разжигает.
Вдруг ветер, шляпу с его головы
Надев на себя, убегает.

За шляпой погнался, но не догнал.
Башка замерзает без шляпы.
Когда бы ремнём он её привязал...
Совсем стал забывчив, растяпа.

Вернулся домой, а сказочный ветер
Промчался, аул огибая.
«Вот шляпа твоя, подумай теперь...» —
Сказала жена, упрекая.

«О, надо ж, ветер её не украл,
В моём же ауле оставил.
О глупой моей башке он узнал», —
Батый, извиняясь, добавил.

Вьюга-пурга

В лесу и шум, и гул стоит —
Вовсю здесь воет голос ветра.
И камень вниз летит с обрыва,
Ломая ветви непрерывно.

Не видно — прячется, кто жив,
Не слышно их — они все в гнёздах.
Бегут бродяги-облака,
Всё красной пылью скрыто грозно.

Большой Медведицы здесь ковч,
Большой Луны и звёзд не видно.
Вот ночь пришла, пурга заснула —
И лесу вновь покой вернула.

● ● ●
Всё новое постарее,
Всё старое возродится.
Ход времени вдаль стремится.
О жизни вновь уходящей
Напомнит мне вкус горчащий.
А время моё всё резвится.
Перед закатом, что ли, хвалиться?

.....
2. Данза — курительная трубка.

Дует ветер в караганах

С чёрной речки в караганах
Ветер дует постоянно.
Только милой Кежепей,
Как всегда, всех веселей.

Хоть привязанный ремнями,
Конь не прядает ушами.
Дует ветер, дождь прольёт,
Милый мой ко мне придёт.

В караганах с чёрной речки
Ветер дует, может, встречный...
Кежепей всех веселей:
Может, нравится кто ей?

Мамина юрта

Я вспомню, если мне тревожно
И душу давит суета,
Что где-то между скал таёжных —
Родимой матушки юрта.
Замка не знавшая от века,
Юрта поможет всем в беде.
Гостеприимнее ночлега
Не сыщешь более нигде!
Покуда ветры свирепеют
(У здешних ветров нрав такой!),
Юрту очаг семейный греет,
Зажжённый маминой рукой.
О мама, пусть минует старость
И вечно юной будешь ты...
Пусть дым, как белоснежный парус,
На волю рвётся из юрты.
В житейском море пусть, как прежде,
Который век, который год
Навстречу вере и надежде
Аратская юрта плывёт.

Тун Пайрам³

Восхищаться вечно не устану
Гордою хакасскою землёй.
Ледяные снежные Саяны
Подружились навсегда со мной.
Предложили мне испить айрана...
Окликало эхо: «Тун пайрам!..»
Ах, Саяны, гордые Саяны,
Я отныне не чужая вам!
В час, когда разлука-лихоманка
Мне диктует покаянный стих,
Вспомню я, что царственной осанкой
Ты, любимый, так похож на них.
Тун Пайрам! Я славить не устану,
Воплощая в благодарный стих,
Голубые горные Саяны
Или чашу, полную айрана,—
Ту, что мы испили на двоих.

Я — женщина-скала

Монгун-Тайга, я — женщина-скала.
Твоим высоким скалам я сестра.
Здесь с детства мной протоптаны тропинки,
Исхожены ущелья и ложбинки.
Здесь каждый уходящий ввысь утёс
Корнями из души моей возрос.
А яркие цветы на солнцепёке
Диктуют мне возвышенные строки.
Здесь эхо множит вдохновенный стих
Про предков достопамятных моих.
Стремит орёл полёт свой молодой,
Взлетает стих над горною грядой
И, отразившись в солнечном луче,
Поёт, как птица, на моём плече.

Угер⁴

Пускай опять накрыла небо мгла,
Мне посторонней помощи не надо.
Ведь отовсюду, где б я ни была,
Я отыщу небесные Плеяды.

До боли натрудив глаза свои,
Увижу: светят из вселенской стужи,
Как отсвет галактической любви,
Шесть млечных драгоценных звёзд-жемчужин.

Уралу, Волге, Лене и Неве
Они горят, горят, не угасают...
Созвездием Угер в моей Туве
Ту связку звёзд жемчужных величают.

Капель

Падает из ветки капель,
падает, словно слезинки.
Это влюбился апрель
в карие очи тувинки.

Жгучие слёзы зимы
не утолят моей жажды.
Тополь, где встретились мы,
машет нам веточкой каждой.

Не было нашей любви —
так меж собой мы решили.
Жгучие слёзы мои
в сердце огонь потушили.

*Переводы с тувинского Лилии Агадулиной
(«Лунной ночью», «Дует ветер...»), Дианы Кан
(«Мамина юрта», «Угер»), Евгения Семичева
(«Капель», «Я не заплачу у порога»)*

.....

3. Праздник первого айрана
(хакасский народный праздник).

4. Плеяды.